

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

© ЭО, 2004 г., № 5

Н. Л. Пушкарева

ПРЕДМЕТ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ “ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ”*

“История повседневности” (everyday life history; Alltagsgeschichte; histoire de la vie quotidienne)¹ – новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – комплексное исследование *образа жизни и его изменений* у представителей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на жизненные события.

В российской историографии понятие “повседневность” как предмет исторических разысканий, употребляется с начала 1990-х годов². Правда, некоторые подходы к ее изучению были определены Б.А. Романовым, Ю.М. Лотманом, М.М. Бахтиным, П.Г. Богатыревым, В.Л. Яниным, А.Д. Люблинской еще 30–40 и более лет тому назад³. Как правило, отечественные ученые используют понятие “повседневность” как дефиницию с устойчивым и всем понятным содержанием⁴. Реже встречаются попытки определить проблемное поле “истории повседневности”⁵. Его то сводят к микроистории (вслед за некоторыми переводными работами западных ученых), то ставят знак равенства между изучением “повседневности” и традиционными исследованиями быта. Задачей развести эти понятия, реконструировать историю складывания нового направления, определить его предмет и методы работы его приверженцев объясняется написание данной статьи.

Общетеоретические источники истории повседневности

Возникновение истории повседневности как самостоятельной отрасли изучения прошлого – одна из составляющих начавшегося в конце 60-х годов XX в. так называемого историко-антропологического поворота в мировом гуманитарном знании.

К первоисточникам нового научного отношения к “обыденному” можно отнести, во-первых, классические работы философов, создавших основы феноменологического направления, в частности, Э. Гуссерля (1859–1938). Он первым в мировом гуманитарном знании обратил внимание на значимость культурологического осмысления не только неких высоких теоретических абстракций, но и “сферы человеческой обыденности”, повседневности, которую философ назвал “жизненным миром”⁶.

Вдохновленный идеями Э. Гуссерля, его младший современник А. Шюц (1899–1959) предложил отказаться от восприятия “мира, в котором мы живем”, как “предданного”, и сосредоточиться на анализе процессов складывания и обусловливания этой кажущейся “предданности”, т.е. “мира человеческой непосредственности” – стремлений, фантазирования, желаний, сомнений, воспоминаний о прошлом и предвосхищения будущего, реакций на непосредственные частные события, сделав научной задачей “исследование природы предданности”⁷. Методологически важным оказалось введение А. Шюцем в научный оборот таких понятий, как “обыденный здра-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (№ 04-01-00004а).

вый смысл” (как несущий в себе черты коллективно разделяемого опыта), “социально-принятые типизированные условности”, постановка вопроса об их генезисе и воспроизведении в сознании людей, изучении их отражений в повседневном поведении.

Незадолго до Второй мировой войны основатель “социогенетической теории цивилизаций” социолог немецкого происхождения, работавший в Амстердаме, Н. Элиас (1897–1990) показал, насколько дистанцировалось в гуманитарном знании изучение общества от изучения индивида. Он призвал соединить данные разных наук и рассматривать и общество, и отдельных людей “как нераздельные аспекты одного сложного и постоянно меняющегося набора взаимосвязей”⁸. Н. Элиас подарил мировой гуманитарной науке видение прогресса и развития цивилизаций как переплетения – как раз на уровне повседневной жизни – разнообразных практик воспитания, познания, труда, власти и способов их упорядочивания, закрепленных различными институтами⁹. Изучение этих практик стало ориентиром для социальных наук уже в послевоенное время. Последователи Н. Элиаса обратились тогда к специальному исследованию долговременного процесса “оцивизовывания” самых разных сторон повседневности индивидов – их внешнего вида и манеры поведения, намерений, чувств и переживаний, речи, этикета и т.п., познавая тем самым пути реорганизации и перестройки человеческих отношений (от контроля со стороны общества к самоконтролю, самодисциплине, самопринуждению).

Кроме того, шагом к выделению истории повседневности в самостоятельную отрасль науки стало влияние на науки о прошлом модернистских социологических концепций, современных или возникших вслед за так называемой революцией новых левых. Среди таких концепций – критическая теория общества, созданная неомарксистами так называемой Франкфуртской школы (работавшие во Франкфурте философы Т. Адорно, М. Хоркхаймер и др.)¹⁰, чье отношение к социальной реальности характеризовали ярко выраженный акцент на роли общественной практики, гуманизм и стремление понять истоки появления тоталитарных форм организации общества.

Один из последних представителей третьего поколения этой школы Г. Маркузе (1898–1979) ставил задачей выяснить, как современная западная культура с ее достоинствами комфорта, технической оснащенности, удобства бытия, безопасности существования рождает репрессивную терпимость всех членов общества, их “одномерность” и интегрированность во все общественные отношения¹¹. Работы Г. Маркузе нацелили историков и социологов на анализ механизмов манипулирования сознанием на уровне повседневных практик.

Одновременно с рождением теорий Франкфуртской школы, а в известной степени и под ее влиянием в США обрела большое число приверженцев леворадикальная критическая социология. Одной из ее составляющих была теория социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана¹², призвавших, среди всего прочего, пристально изучать “встречи людей лицом к лицу” и считавших такие “встречи”, т.е. социальные взаимодействия (интеракции), основным содержанием обыденной жизни¹³. Эти социологи первыми поставили вопрос о языке повседневных “встреч”, о путях “заучивания типизаций повседневных действий”. Тем самым они дали толчок к исследованию социального конструирования идентичностей, пола, инвалидности, психиатрии и т.п.

Практически одновременно и в противовес очень популярной в 1960-е годы структурно-функционалистской теории Толкотта Парсонса (он рассматривал человека как некую “жертву структуры”) другие молодые американские социологи – Г. Гарфинкель и А. Сикурель – сумели “заметить” изучаемых ими людей не просто как действующих, но “думающих и переживающих”¹⁴. Такое видение индивидов (как весьма независимых от абстрактных структур деятелей и преобразователей реальности) позволило им создать основы социологии обыденной жизни. Вслед за Г. Гарфинкелем эту область социологического знания именуют “этнометодологией”¹⁵.

Автор концепции считал предметом этнометодологии изучение “того, как поступают народы, когда они живут обычной жизнью”. Целью социологии обыденной жизни (или этнометодологии) стало обнаружение “методов, которыми пользуется человек в обществе для осуществления обыденных действий”¹⁶ посредством анализа существующих в обществе правил и предубеждений, процесса их формирования, истолкования “одними” людьми речей, поведения, жестов “других”.

На рождение истории повседневности оказали влияние и идеи американского культуролога и социоантрополога К. Гирца¹⁷, видевшего в любой культуре “стратифицированную иерархию неких структур, состоящих из действий, символов и знаков”. Расшифровка (герменевтика) этих действий, символов и знаков, составляющих повседневные, типизированные людские практики, “интерпретация паутины значений, которую человек сам сплел” – как сознательно, так и неосознанно, формируя свою культуру, ее разные аспекты (от родства и религии до политики и экономики), – все это представлено в его теории как главный способ познания прошлого и настоящего¹⁸. Интерпретация, а не просто собирательство найденных фактов, по К. Гирцу, есть цель этнографически ориентированной науки, в том числе истории, позволяющей в этом случае понять представителей иных культур, их восприятие социальных структур, событий и явлений прошлого.

Взрыв интереса к “социологии повседневности” (этнометодологии) и превращение ее в самостоятельное направление в рамках наук об обществе (эти процессы были характерны для второй половины 1960-х годов) вызвали к жизни аналогичные изменения и в исторических науках. Говоря словами французского культуролога Ж. Деррида, “рецепция – это всегда приспособление к себе” (иными словами, перетолкование). Именно путем рецепций революционизирующие сознание идеи обращения к повседневному обрели жизнь не только в социологии и этнологии, но и в иных науках, в которых они вульгаризировались и в то же время обогащались.

Возникновение истории повседневности. Два подхода в ее реконструкции

Перспективность историко-антропологического подхода к изучению прошлого первыми обозначили французские исследователи. В центре их понимания повседневности стояла задача восстановления истории в ее всеохватности и целостности. Проблемность, открытость, мультидетерминированность стали основными принципами исследовательской работы М. Блока и Л. Февра – создателей особого направления в исследовании прошлого, группировавшихся вокруг созданного в 1950-е годы журнала “Анналы”. Эти принципы получили развитие и в рамках концепции младшего современника М. Блока и Л. Февра – Ф. Броделя, понимавшего прошлое как медленное чередование больших временных ритмов (периодов “большой длительности”, *longue durée*) и экономических миров, в которые была полноправно включена и этнографическая, повседневно-бытовая составляющая. История повседневности была в указанных трудах частью *макроконтекста* жизни людей¹⁹. Как и для многих представителей Франкфуртской школы и их предшественника, венгерского философа, работавшего в Вене, Д. Лукача (1885–1971), показавшего, как можно изучать мир и историю в их “тотальности”, повседневность для Броделя – одна из нитей узора истории, ткань которой состоит также из демографических, производственно-технических, экономических, финансовых, политических, культурных и других процессов.

Рассказывая о “прозрачных” (трудно улавливаемых) реальностях экономики – механизмах производства и обмена, ярмарок и рынков, бирж и банков, мастерских и лавок – Ф. Бродель предложил видеть в экономике любого общества два уровня “структур”: структуры жизни материальной (предметной) и жизни нематериальной (непредметной), охватывающей человеческую психологию и каждодневные практики. Этот второй уровень и был назван им *структурами повседневности*.

Ф. Бродель относил к ним то, что окружает человека и опосредует его жизнь изо дня в день – географические и экологические условия жизни, трудовую деятельность, потребности (в жилище, в питании, одежде, лечении больных), возможности их удовлетворения (через технику и технологии). Он говорил также о необходимости изучения всего спектра соответствующих взаимоотношений и межличностных коммуникаций, поступков, действий, желаний, надежд, идеалов, ценностей и правил, регулирующих поведение людей, индивидуальных и коллективных практик, форм и институтов брака, семьи, анализа религиозных культов, политической организации социума. Целью такого “глобального и тотального” изучения должно было стать выявление и уяснение некоего инварианта – неизменной величины, присутствующей в формах быта данной историко-культурной общности.

Характерной чертой реконструкции повседневной истории в духе Ф. Броделя на первых порах было предпочтение, отдаваемое изучению возможно более массовых совокупностей, измерение и анализ заметных социальных явлений; выбор достаточно больших временных длительностей для обнаружения глобальных социальных трансформаций и анализа разной скорости течения времени в разных культурах и эпохах. Много внимания уделялось им тому, как официальная, верхушечная культура воспринималась низами, в какие формы “отливались” идеологические конструкты, попадая в профанный мир. Историков повседневности того времени сближало с этнографами то, что они пытались понять, как функционирует та часть духовной культуры, которая не оставляет следов в основной массе письменных источников.

Продолжавшие “линию Броделя” французские историки, принадлежавшие уже к новому, второму поколению школы “Анналов”, углубили реконструкцию “тотальной истории”, показав, насколько важно изучение взаимосвязей между образом жизни людей, их бытом и их *ментальностями*. Ф. Бродель сумел показать, что именно человеческая психология и практика, а не абстрактные “товарно-денежные”, “рыночные отношения” или “капитал”, питали “рыночную экономику” и определяли ее пределы в эпоху “Старого режима”. В своем знаменитом труде²⁰ он предложил переориентировать исторические исследования и перейти от чисто событийной политической истории, поисков всеобщих закономерностей развития экономики и этнографического “бытописательства” (описательной истории быта, знакомой этнографам уже не одно столетие) к комплексному аналитическому изучению историко-психологических, историко-демографических, историко-культурных сюжетов.

Использование броделевских идей в историографиях ряда стран Центральной Европы (Польши, Венгрии) началось в середине – второй половине 1970-х годов, осмысляясь как интегративный метод познания человека в истории. В Австрии, где в Кремсе в 1980 г. была создана группа “*Medium aevum quotidianum*”, этот метод получил наибольшее признание у медиевистов и специалистов по истории раннего Нового времени. Приверженцы нового, объемного исторического видения сделали предметом своего внимания коллективные и индивидуальные ценности, привычки сознания, стереотипы поведения во всех сферах материальной жизни и на разных социальных уровнях, их символику, ритуалы и т.п.²¹ Под повседневностью они понимают не только то, что описывают этнографы (условия жизни и труда, жилище, питание, одежда, медицина, техника и технология), но и весь спектр соответствующих взаимоотношений – поступки, действия, желания, надежды, идеалы, ценности и правила, регулирующие поведение человека, индивидуальную и коллективную практику. Главная задача медиевистов и специалистов по истории раннего Нового времени – уяснение некоего инварианта – неизменной величины, присутствующей в формах быта сельского и городского населения, сеньориальной эксплуатации, обмена, брака, семьи, религиозных культов, политической организации. Зная такой “инвариант”, можно показать дихотомию между объективным, материальным, структурным (институциональные факторы) и субъективным, культурным, символическим, эмоциональным (общественные факторы). Иными словами, изучение повседневнос-

ти в духе Ф. Броделя – это изучение человеческого сознания, психологии и социального поведения для понимания “духа времени”.

Поэтому продолжатели традиции первых двух поколений школы “Анналов” (в России, например, А.Я. Гуревич) ставят в центр своих исследований общую реконструкцию “картины мира” данной эпохи, социума, группы; они изучают в повседневности прежде всего его ментальную составляющую (общие представления о нормальном, как и общие страхи, общие тревоги и одержимости, принудительную силу массовых культурных ориентиров); их работы пишутся более в духе социальной психологии, нежели, например, этнологии. Броделевский подход к истории есть пересмотр открытой позитивистами хозяйственной истории, не выходящий за пределы описания материального мира и составляющих его объектов, вещей, нравов как таковых. Он предполагает сосредоточенность на большом хронологическом периоде, соединяющем средневековье с ранним Новым временем, нежели на недавнем прошлом или современности.

Другой подход в понимании истории повседневности был рожден и по сей день превалирует в германской и итальянской историографии. Германский сборник “История повседневности. Реконструкция исторического опыта и образа жизни”, вышедший в конце 1980-х годов, был сразу замечен за рубежом и переведен в США²². Правда, он не сразу был “замечен” в самой Германии представителями старой, традиционной науки. Именно им – многим ярким исследователям старшего поколения, именовавшим себя представителями “историко-критической социальной науки” (Ю. Кокке, М. Штюрмер, Х.У. Велер) пришлось под огнем критики “молодых” усиленно отбиваться от упреков в снобизме, антидемократизме, цеховой замкнутости, пренебрежении к отдельному человеку и вытеснении его на задворки истории²³. “От изучения государственной политики и анализа глобальных общественных структур и процессов обратимся к малым жизненным мирам”²⁴ – так звучал призыв германских исследователей, задумавших написать “новую социальную историю” как историю рядовых, обычных, незаметных и “малых” людей. Критики “старой науки”, в том числе Х. Медик, А. Людтке, призывали молодое поколение переориентировать научные труды и обратить все силы на изучение *микроисторий* отдельных рядовых людей или их групп, носителей повседневных интересов²⁵, а также проблем культуры как способа понимания и обобщения повседневной жизни и поведения в ней. Это была программа особого направления в германской историографии – “истории повседневности” (Alltagsgeschichte)²⁶, которую Х. Медик не просто тесно связывает с этнологией, но даже именуется “этнологической социальной историей”²⁷.

Помимо германских “историков повседневности” к толкованию ее как синонима “микроистории” оказался склонен ряд исследователей прошлого в Италии. В 70-е годы XX в. небольшая группа таких ученых сплотилась вокруг созданного ими журнала “Quaderni Storici”, чтобы в дальнейшем, в 1980 г., под руководством К. Гинзбурга и Д. Леви основать особую научную серию, названную ими “Microstorie”. При всех различиях в исследовательских практиках этих ученых их объединяло стремление переосмыслить некоторые концепции, задачи и методы социальной истории, а именно не отворачиваться от единственного, случайного и частного в истории, будь то индивид, событие или происшествие, сделать его достойным научного изучения. Исследование же единичного и случайного – доказывали сторонники микроисторического подхода – должно стать отправным пунктом для работы по воссозданию множественных и гибких социальных идентичностей, которые возникают и разрушаются в процессе функционирования сети связей и взаимоотношений – конкуренции, солидарности, объединения и т. д.²⁸ В этом случае, как полагали сторонники такого видения каждодневной жизни прошлого, возможно приблизиться к пониманию взаимосвязи между индивидуальной рациональностью и коллективной идентичностью²⁹.

В 1980–1990-е годы германо-итальянская школа микроисториков расширилась. Во-первых, ее пополнили американские исследователи прошлого (сторонники так называемой новой культурной истории), которые чуть позже примкнули к исследо-

ваниям истории ментальностей и экзегетике (герменевтике) символов и смыслов повседневной жизни, поскольку дольше находились под обаянием структуралистских концепций – от Т. Парсонса до К. Леви-Стросса. Во-вторых, под знамена микроистории встали некоторые представители третьего поколения школы “Анналов” (Ж. Ле Гофф, Р. Шартье). Стремление последних вытеснить или ограничить “историю менталитета” в изучении повседневности было попыткой дистанцироваться от “неподвижной истории”, какой она виделась вначале Ф. Броделю, а затем Леруа Ладюри. Некоторые, например, тот же Р. Шартье, были к тому же теснее связаны с социологией. Он, в частности, пытался опрокинуть в историю идеи экзетнолога П. Бурдьё, сконцентрированные на анализе *различий/различений*, а не на обобщениях.

Многообразие идей, которые нес с собой этот более новый (по сравнению с броделевским) подход в изучении повседневности, определялось политическим контекстом его возникновения. Если концепция “неподвижной истории” была уместна в 1960-е годы, то подходы микроистории были востребованы эпохой постструктуралистского вызова гуманитарному знанию с его интересом к языку, критикой текстцентризма, логоцентризма, любопытством к образам “другого” и толерантным признанием этой “инаковости”³⁰.

Во-первых, значимость микроисторического подхода в исследовании повседневности определялась тем, что он позволил принять во внимание множество частных судеб, а через них воссоздать пространство существовавших возможностей, зависевших от ресурсов неизвестных индивидов или их группы внутри социальных структур. В этом смысле история повседневности есть своеобразная реконструкция “жизни незамечательных людей”, которая не менее важна исследователю прошлого, чем жизнь людей “замечательных”³¹.

Во-вторых, значимость микроистории как метода реконструкции повседневности заключалась в изучении несостоявшихся возможностей и причин, в том числе случайных обстоятельств “состоявшегося исторического выбора” (Ю.М. Лотман).

В-третьих, особая роль микроистории для истории повседневности определяется новым местом биографического и автобиографического в понимании вопроса о том, какова степень свободы индивида в заданных историко-политических, хронологических, этнокультурных и иных обстоятельствах. В этом смысле история повседневности близка другому направлению, рожденному в те же 60–70-е годы XX в. – “истории частной жизни”. Особая роль биографических описаний тесно сближает, изучающих повседневность микроисториков, с социологами, собирающими и анализирующими “устную историю” и изучающими не слишком отдаленные во времени эпохи (прежде всего XX в. и его катаклизмы). Особенно очевидно это сближение в США, где направление *new cultural history* родилось практически одновременно с так называемыми исследованиями частных случаев (*case studies*) в социологии. Без последних в настоящее время не могли бы существовать “качественные исследования”³², построенные на скрупулезном анализе устных и записанных биографий с их особым вниманием к “символизму повседневной жизни”.

В-четвертых, именно микроисторика поставили задачей своего исследования изучение вопроса о способах не только и не столько обычного, сколько экстремально-го выживания в условиях войн, революций, террора, голода. Конечно, и историки броделевской школы обращались к этим сюжетам, однако именно микроисторика, изучавшие повседневность XX столетия, озаботились анализом скорее переходных и переломных эпох, нежели периодов относительной стабильности и стагнации³³.

Общим для двух подходов в изучении истории повседневности – и намеченного Ф. Броделем, и микроисториками – было то, что новое понимание прошлого родилось как “история снизу” (*Geschichte von unten*)³⁴ или “изнутри”, дав голос “маленькому человеку”, жертве модернизационных процессов: как необычному, так и самому рядовому, сделав интересным для потомков его поведение и жизненные ориентиры тех, кто жил и страдал, кто назывался маленьким человеком. Некоторый популизм истории повседневности – кто бы ее не реконструировал и к какой бы

школе этот исследователь не принадлежал – очевиден. Даже в справочной литературе советского времени можно найти утверждение о том, что любое стремление “показать человека из народа” имплицитно содержит в себе “основы демократической социальной критики”³⁵, да и в ряде стран Запада “история повседневности” была ответом на социальный заказ “развить демократическое сознание граждан страны”³⁶. Реконструкция повседневности элитарных слоев, как тема исторических сочинений, возродилась на новом витке развития науки уже после того, как возникла тема повседневности “рядовых” и “обычных” людей, и это была уже иная “биографическая история великих”, в ней ставились иные исследовательские задачи.

Новое направление, будучи следствием понимания истории повседневности как “истории снизу”, и это тоже объединяет два подхода в ее изучении – способствовало преодолению старого снобизма в отношении людей не просто незначительных, но и вообще изгоев общества и альтернативных исторических групп: разбойников и ведьм, инакомыслящих и анархистов, представителей сексуальных меньшинств и др.

Два подхода в исследованиях повседневности объединяет их очевидная междисциплинарность, связь с социологией, психологией и этнологией³⁷. Оба подхода предполагают, хотя и на разных уровнях (макро- и микроисторическом), изучение “символики повседневной жизни”.

Наконец, и последователи Ф. Броделя, и микроисторики в равной мере внесли вклад в признание того, что человек прошлого не похож на человека сегодняшнего дня, его чувства и переживания были иными; в равной мере они признают, что исследование этой “инаковости” – путь к постижению механизма социопсихологических изменений³⁸.

Современное состояние и предмет истории повседневности.

Отличие истории повседневности от этнографического исследования быта

В современном гуманитарном знании нет согласия в определении круга вопросов, которые следует относить к истории повседневного. Понятия “обычное ежедневное существование”, “род/образ жизни”, “то, что обычно делают обычные люди”³⁹, которыми иногда заменяют термин “повседневность”, также весьма расплывчаты. В мировой науке продолжают бесконфликтно сосуществовать оба понимания истории повседневности – и как реконструирующей ментальный макроконтекст событийной истории, и как реализации приемов микроисторического анализа. К тому же в отечественной науке бытует убеждение, что “история повседневности” – это “почти этнология”, а посему многие вопросы ее истории часто автоматически передаются для исследования именно этнологическими методами. К этим вопросам, по сложившемуся правилу, относят, например, условия жизни и быта, структуру питания, особенности семейного быта и сексуальной культуры.

Поэтому и представляется необходимым определить соотношение истории быта (как предмета этнографических описаний) и истории повседневности (как нового направления именно в исторических исследованиях).

Понятие “быт”, которым пользуются русские ученые-бытописатели уже не один век, охватывает, если судить по классическим работам XIX в., “нравы и образ жизни”⁴⁰. Современная этнология понимает под “бытом” устоявшиеся, привычные, “традиционные” формы личной и общественной жизни⁴¹, “повторяющееся, устойчивые, ритмичные, стереотипизированные формы поведения”⁴². А.Б. Терещенко представлял структуру быта как систему рядоположенных составляющих, к которым отнесены весьма общие “свойства людей” (т.е. психологические характеристики данного этнокультурного типа), их жилища, одежда, “домоводство”, “образ жизни”, элементы духовной культуры⁴³. В новейших российских исследованиях повседневности ее также нередко приравнивают к понятию “быт”, не совсем точно считая эти слова синонимами⁴⁴.

Главное отличие между этнографическими исследованиями быта и изучением повседневности историками лежит в понимании *значимости событийной истории* и месте, которое ей отводится на страницах этнографических работ и работ историков повседневности. Не секрет, что политико-событийная история – крайне редкая “гостья” в традиционных этнографических исследованиях быта. Подвижное, изменчивое время, точнее, времена, влияние множества неожиданных событий на изменения в частной, бытовой жизни – именно это предмет, интересующий микро-историка повседневности, который старается показать многообразие индивидуальных реакций на череду политических событий. Какие из них, по каким причинам и кем оказались “замеченными”, поскольку повлекли за собой изменения в строе жизни людей разных социальных страт, а какие – несмотря на все идеологические потуги – оказались “проходными”?⁴⁵ Как раз в повседневности витают мысли и чувства, зреют замыслы, порывы и устремления: решиться на необычный поступок или быть конформным, попробовать новое или же уклониться от него? Ситуации, рождающие экспериментирование, появляются именно в обыденности. Историка повседневности интересует, *как* это происходит.

Этнографическое воссоздание быта и этнографическое его описание, включающее в удачных случаях описание не только материальной среды обитания человека, но ряда элементов его духовной культуры (обряды, ритуалы, праздники, фольклор), редко уделяет внимание *переживаниям отдельных людей*, особенно если таковые не характеризуют наиболее распространенный или типичный вариант эмоциональных реакций. Указания на ту или иную эмоциональную реакцию могут быть включены (или приведены в виде цитаты) в исследование этнографа в иллюстративном плане (усиливающим какое-либо умозаключение), но почти никогда не бывают предметом специального анализа: почему возможна такая девиация? Имела ли она шанс на превращение в “исключительное нормальное” (Х. Медик) и затем в распространенное?

В центре внимания историка повседневности всегда не только и не просто быт, но *жизненные проблемы* и их осмысление теми, кто живет рядом или жил до нас, подчас оставшись безымянным в истории... Противоречия и сомнения, способы их разрешения, попытки сказать свое слово или заявить о своей непохожести, опосредованные тривиальностью жизни (от ландшафта до распорядка дня, от модели отношений с родственниками до представлений о предписанном или исключительном в сексуальной сфере) – все это определяет круг интересов именно историка повседневности. История повседневности в изучении ментальных макропроцессов есть форма историоризации коллективного бессознательного. Это скорее история ментальностей, нежели этнографическая история конкретно-бытовых навыков и обыновений.

Интерес к “проблемному”, рождающему переживания, предопределяет дальнейший выбор тем. Историка повседневности интересует “этнография быта” не только основных классов и сословий (дворянство, крестьянство, рабочие, предприниматели, священники и т.п.), но и весьма малых социальных групп, в том числе жизнь и переживания самых дискредитируемых из них, тех, “*что недовольство раскачивало корабль истории*” (Л.Ю. Холмс). “Разные виды деятельности и те, кто ими занимается, имеют свои истории. Эти истории, в свою очередь, могут быть, возможно, более интересны, чем ограниченные отчеты о политических событиях прошлого. Они могут помочь понять самих себя”⁴⁶.

Историки повседневности, в отличие от этнографов, не игнорируют специальное изучение повседневности носителей девиантного сознания и поведения, чей быт (как нетипичный) этнографы крайне редко делают предметом изучения. Здесь, правда, кроется большая опасность, невидимая ловушка для историка повседневности, готового подчас отнестись исключительное, из ряда вон выходящее к обычному, к одной из “типических” сторон привычного⁴⁷. В большинстве же работ по истории повседневности авторы утверждают, что стремятся воссоздать не исключительное, а, как

они выражаются, “серую обыденность”⁴⁸. И в этом смысле они уподобляются этнографам.

Этнограф – специалист по истории материальной культуры – терпеливый искатель “мелочей” и тщательный их аналитик. Состав глины, из которой произведена посуда, естественные красители, которыми окрашены ткани, приемы лечения больных – все это обычно присутствует и в старых, и в новых этнографических работах. История повседневности, в отличие от этнографии, ставит задачу “не разглядывания мелочей, а рассмотрения в подробностях”⁴⁹, поскольку ставит на первое место не столько само описание материального предмета, но подробности отношений к нему людей, всех возможных коллизий, которые может повлечь за собой его существование. Одна бытовая деталь может помочь историку повседневности типизировать биографическое и почувствовать в истории повседневности то, что выражало на тот момент “дух времени”, соотнести частное существование человека с ходом исторических событий.

Если этнограф-традиционалист старается возможно более точно описать повторяемые, устойчивые детали бытовой жизни в определенной среде, то историк повседневности ставит задачей не просто фиксацию выявленного, но выяснение механизмов появления новаций в укорененных и привычных структурах, выяснения движущих сил в процессах сближения нового и традиционных норм социального действия, некоторые из которых оказываются исключительно устойчивыми⁵⁰.

Этнография быта не включает в себя изучение индивидуального переосмысления устоявшихся понятий. Между тем изучение культуры повседневности позволяет не только делать это, но и увязывать осмысление повседневного с политической культурой личности⁵¹ (например, восприятие человеком, воспитанным на идеалах “коммунотарности” (Н.А. Бердяев), т.е. приоритета коллективного над частным, индивидуальных гражданских или политических прав личности). Включая в свое “поле” изучение отдельного человека и его социальной микрогруппы, история повседневности позволяет выяснить, насколько индивидуальное восприятие (одна из сторон духовной жизни человека) влияет на эту индивидуальную обыденную жизнь, в том числе и жизнь в сложившейся политической системе.

В новейших работах по социальной антропологии и культурологии, стремящихся преодолеть описательность традиционной этнографии XIX столетия, может быть весьма скрупулезно проанализировано бытование той или иной отдельной формы фольклорных произведений или, например, слухов, сплетен, тесно связанных с повседневностью. Порой такая скрупулезность помогает выявлению отражений в них ментальных характеристик определенной социальной группы или общности. Однако такие работы все-таки остаются именно трудами по этнографии повседневного быта, поскольку анализируют, как правило, лишь одну из сторон жизни или одного события или явления, мало касаясь других, а история повседневности – дисциплинарно и тематически – интегративна и многопланова.

Понятно, что в один научный труд, как бы долго и терпеливо он ни писался, невозможно интегрировать абсолютно все мыслимые аспекты изучения проблемы и в то же время рассмотреть их на протяжении большого хронологического периода. Именно поэтому работы по этнографии быта, в отличие от исследований по истории повседневности, охватывают, по традиции, гораздо больший временной отрезок, так как ставят задачей выявление общих, усредненных изменений в пространстве и во времени. Работы же по истории повседневности часто стремятся к меньшей географической и временной локализации, обрисовывая зачастую лишь небольшой регион, малый период времени (скажем, реакцию на одно непосредственное событие, например, войну или коллективизацию), но предполагают углубление анализа за счет жизненных историй представителей разных возрастных, профессиональных, половых и других социальных когорт, “сетей” их взаимосвязей и взаимодействий в частной (домашней) и внедомашней (производственной) жизни.

Официально-правовая регламентация поведения людей, ее фиксация в законах – область исследований традиционной истории юриспруденции. Этнографов интересуют в большей мере элементы обычного права, традиционных представлений и понятий, отразившиеся в строках законов и влиявшие как на их составление, так и на повседневное поведение людей. Напротив, историк повседневности, не упуская из виду обычно-правовых установлений, вынужден принимать во внимание групповые и индивидуальные реакции отдельных индивидов на нормы и законы, перепроверять действительность различных установлений, определяя, какие из них соблюдались, а какие оставались лишь на бумаге.

По сложившейся традиции в этнографических исследованиях “быт”, или “бытовая сфера”, с очевидностью противопоставляется (вместе с досугом, свободным временем и т.п.) “труду”, сфере производственной, хотя понятие “производственный быт”, т.е. условия труда, в принципе бытовало в работах исследователей советского времени. Однако именно историки повседневности сделали изучение каждодневных обстоятельств работы, мотивации труда, отношений работников между собой и их взаимодействий (в том числе и конфликтных) с представителями администрации и предпринимателями темой “новой рабочей истории” и новой истории труда, ставших впоследствии самостоятельными “историями”⁵².

Методы изучения истории повседневности

Ставшее социологической классикой определение повседневной жизни как “реальности, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира”⁵³, мало известно историкам. Между тем это определение подчеркивает двойственную природу “повседневья”: его реальность организуется вокруг того, что являет собой “здесь” и “сейчас” для каждого конкретного человека, и потому глубоко субъективно. Но одновременно повседневная жизнь интересна субъективна, ведь она представляет собой мир, в котором человек живет и взаимодействует с себе подобными. Вероятно, именно поэтому реконструкция истории повседневности должна быть в идеале, по словам немецкого историка А. Людтке, “попыткой понять историю как многослойный процесс, который воспроизводится и трансформируется теми, кто является одновременно и объектами истории, и ее субъектами”. Таким образом, в центре внимания истории повседневности не просто “проза жизни”, быт как таковой (его анализируют этнографы), но конкретные участники исторического процесса, являющиеся одновременно и объектами идеологических воздействий, социального дисциплинирования, властных манипуляций и т.п., и (в то же время) преобразователями действительности – думающими и переживающими.

Итак, первое, что отличает “обычного” историка или этнографа от исследователя истории повседневности как части обновленной исторической антропологии и новой социальной истории – *отношение к источнику*. Традиционно мыслящий историк стремится прежде всего установить репрезентативность дошедшего до него памятника, а когда она установлена – возможно более полно и без искажений привести его в исследовании, поскольку тексты, якобы, способны “говорить сами за себя”. Однако такой традиционной истории-повествованию, как пересказу сообщенного, может быть противопоставлен иной метод работы. Речь идет о вчитывании в найденный текст, размышлениях об обстоятельствах высказывания именно запечатлевшихся идей и оценок, возможно более глубоком *проникновении во внутренние смыслы* сообщенного, учете недоговоренного и случайно прорвавшегося в связи с, казалось бы, самым обыденным, профанным, незаметным.

Фокус анализа историка повседневности – изучение социального с точки зрения индивида, не просто повседневность, но повседневное сознание и поведение. Индивид в исследованиях повседневности должен быть воспроизведен действующим на жизненной сцене в заданных обстоятельствах (природных, временных, политичес-

ких), показан определяющим ситуацию, конструирующим совместно с другими социальные роли и играющим их. Историк, ставящий задачу реконструировать с помощью сохранившихся источников “типичное обыденное” определенного времени и определенной социальной группы, старается *выяснить мотивацию действий* всех актеров этого “театра жизни”. Выяснение мотиваций – способ понять этих людей. Вооруженный марксистской методологией историк советского времени не мог “понять” класса, так как класс не есть реально действующий субъект, но всего лишь абстракция. Иное дело отдельный человек и окружающие его люди со своими страстями и ошибками.

Таким образом, можно определить еще два важнейших принципа, детерминирующих метод работы “историка повседневности”. Во-первых, анализируя мир обыденности, он обращает пристальное внимание именно на субъективную сторону дела (изменчивые восприятия, рефлексии, переживания людей), становясь близким социальному психологу, изучающему психологию интенциональности, т.е. психологию побуждений. Во-вторых, он старается видеть в объектах исследования (в том числе в авторах тех текстов, которые служат для него источником) – со-авторов, *вести* с ними (в бахтинском смысле) *диалог*, т.е. не дистанцироваться от них, не стараться быть полностью объективным, не вставать “над” ними. Напротив, он стремится быть с ними “вровень” (и ранее требовавшийся “холодный взгляд”⁵⁴ историка-аналитика может этому только помешать).

Как обеспечить этот диалог? Специалист по истории XX в. имеет возможность расширить свою источниковедческую базу за счет свидетельств еще живущих информантов. Речь об *устной истории*.

Зародившаяся еще в 1930-е годы одновременно в ряде стран “устная история” была несправедливо забыта на несколько десятилетий⁵⁵ и пережила второе рождение в конце 1960-х годов вначале в США (в 1967 г. здесь была создана Ассоциация устной истории США), а затем и в других странах. Сбор и запись “жизненных историй”, интервью всех видов (нарративных, полуструктурированных, биографических, лейтмотивных, фокусированных и проч.) является не просто сбором материала, но в ряде случаев созданием нового вида источника, “вторичного”. Поначалу традиционно мыслящие историки не хотели принимать этот вид “запомненного и запечатленного” в состав сложившихся комплексов исторических источников и не находили им места в общей структуре (письменные, печатные, материальные, фольклорные и т.п.), относя к “этнографическим”⁵⁶. В российской историографии к “воспоминаниям” как к источнику было “принято” обращаться в основном тем, кто изучал историю Великой Отечественной войны⁵⁷. Коллекционирование же субъективных оценок обывателей того или иного события в жизни советского народа до поры до времени было просто идеологически опасным. Однако в последние 20 лет “устная история” завоевывает достойное место в исторических исследованиях отечественных ученых и прежде всего “историков повседневности”⁵⁸, и перспективы ее сейчас весьма широки⁵⁹.

Исследователи, не располагающие возможностями “задать прошлому вопрос”, а их большинство, вынуждены работать с имеющимися традиционными источниками, среди которых, как уже неоднократно писали⁶⁰, особенно велика роль источников личного происхождения. Именно они позволяют понять ситуационное толкование, субъективность, рефлексивность, внезапное появление нового, непредсказуемость действий – как раз то, что добавляет в повседневность индивида его отличие от других, находящихся в тех же обстоятельствах.

Но у медиевиста и специалиста по истории Нового времени зачастую нет и их – ни писем, ни дневников, ни воспоминаний. Значит ли это, что повседневность отдаленных веков (как и история частной жизни людей того времени) не восстановимы? На помощь историку повседневности здесь приходит этнология. Исследователь может “понять туземца” – и не потому, что он способен проявить чудеса эмпатии и терпения, уникальную психологическую близость с теми, кого изучают (хотя определен-

ная восприимчивость исследователю-этнологу необходима). Понять чужую культуру можно путем поиска и *анализа символических форм* – слов, образов, институтов, поступков, посредством которых люди в рассматриваемых обстоятельствах реально представляют себя самим и другим людям⁶¹. Таким образом для медиевиста или новиста (специалиста по XVI–XVII вв.) главными в реконструкции истории повседневности становятся “бездны экзегетики” (Л.М. Баткин⁶²) – толкования смыслов и символов, связанных с предметным миром и миром явлений, обнаруживаемых при чтении сложившегося корпуса источников. Через мир “близкой к опыту” реальности людей прошлого – мир слов, поступков, представлений себя – исследователь повседневности, оперирующий обычным смысловым и понятийным аппаратом современного человека (иного у нас нет!), старается понять жизненный мир носителей изучаемой субкультуры⁶³.

В любом индивидуальном жизненном мире ученый способен увидеть рутину повседневности (ежедневные действия) – привычность индивидуального поведения. В круге близких данного человека привычность (рутина) имеет коллективный характер – такую организацию повседневности обычно именуют “обиходом”⁶⁴. Утрата функциональности каких-то обиходных действий рождает ритуал (ритуальные формы поведения) – он скрепляется вовлеченностью, коллективно-символическим характером взаимодействий. Рутину обыденного, обиходное (вместе с формами его поддержания посредством разговора, обмена новостями и сплетнями, застоля, мелких услуг), пути превращения обихода в ритуал и рождение символического – все эти аспекты социально-психологической жизни так или иначе затрагиваются в исследовании повседневности. В отличие от этнографа, описывающего сам факт наличия изменений (например, очевидных трансформаций быта всех советских людей во времена НЭПа), историк повседневности *анализирует социальную технику* “перемалывания” этого бытового обихода (принудительную публичность, вторжение посторонних в приватные пространства, превращение жилой среды в коммунальную жилплощадь, “обрастание” человека не репутацией, но справками и т.д.)⁶⁵.

Пользуясь психологическими приемами вживания и вчувствования (эмпатии) в сокровенное и одновременно банальное, исследователь повседневности неизбежно творит более субъективированное знание, нежели знание, получаемое с помощью традиционного этнографического или исторического описания. Труд исследователя повседневности в этом смысле – “конструкт конструктов”, так как интерпретация чужих мыслей и слов всегда является не просто нарративом, но *транскриптом* – “переводом” с чужого эмоционального языка. В случае, если это (а именно: интерпретирующее) направление аналитической деятельности исследователя становится главным, если ученый ставит перед собой задачу более понять мир социума в терминах индивидуальных опытов и практик – работа историка повседневности становится близкой работе историка психологии, эмоций и специалиста по “истории частной жизни”. Чем определялось включение нового в рутинный повседневный индивидуальный опыт: эгоистическими соблазнами (социального возвышения, материальной выгоды, удовольствия и т.п.) или авторитарными требованиями подчинения, угрозами и насилием или же идеологическими формулами коллективного спасения? Как обычный, рядовой человек осмыслил свою связь с “вечностью”, с будущим, с макро-социальными событиями?

Этнографические и социологические методы *включенного наблюдения* работают при воссоздании истории повседневности, когда исследователь одновременно собирает фактическую информацию и “ведет наблюдение” за ее автором, “подтягивая” информацию из иных источников о контексте написания данного текста этим человеком (его возрасте на тот момент, семейной ситуации, психологическом настрое). Анализ стенограммы какого-то важного форума, учитывающей реакцию зала, может быть превращен в методику *анализа фокус-группы* – историк повседневности часто использует эти этнолого-социологические методы работы.

Радости и страдания, мечты и надежды людей предшествующих поколений часто не оставляют лишь случайные следы в исторических источниках, к тому же представленные “зашифрованно”. Поэтому иногда единственным способом выйти из тупика становится *переоценка тех свидетельств*, которые использовались раньше для иных целей (скажем, газетных статей и фотографий с целью извлечения деталей и примет обыденного быта определенного времени), привлечение свидетельств иностранцев, которым больше бросаются в глаза культурные отличия в повседневном быту. “Старые” (известные) источники, взятые под иным углом зрения, позволяющие историку повседневности понять отношение общества к тем, кто “нарушал спокойствие”, т.е. взрывал инерцию повседневности, кто считался “чужаками” или “беззаконными кометами в кругу расчисленного светил”. Как коллективное (поддержка, внимание, контроль, групповой обиход) воздействовало на индивидуальное, осуждало “странности” или оказывалось к ним терпимым.

Исследовательский процесс исследования повседневности должен обязательно сопровождаться *реконструкцией отдельных элементов в единую систему их взаимосвязей*. Только в таком виде “маленькие элементы помогут ответить на большие вопросы”. Неслучайно критики истории повседневности как “трогательных рассказов из жизни людей из массы” утверждают, что “историкам повседневности есть чему поучиться у социальных историков”⁶⁶ – они имеют в виду сложность процесса преобразований множества “историй” в цельную картину. Пути такого преобразования хорошо известны социологам-“качественникам”⁶⁷. В собранном однородном материале источников (записи судебных процессов или, например, автобиографии или агитационные брошюры) выделяются отрывки текста (так называемые секвенции), которые структурируются по темам “факт”, “контекст”, “субъективная значимость для индивида”, и в дальнейшем формализованный материал подвергается новому анализу с точки зрения повторяемости встреченной информации. Большим подспорьем для “микросторика” повседневности является возможность сравнить получаемые им выводы для определения степени типичности ситуации или реакции путем привлечения иных источников, но она представляется историку не всегда.

И последнее замечание о методах написания истории повседневности. В идеале ее исследований – в отличие от “строго-научных”, а по сути – инвентарно-унылых исследований материальной культуры – должны *писаться иным языком*, в который исследователь может вложить и свое собственное эмоциональное восприятие предметного мира, окружавшего человека прошлого⁶⁸.

Легко ли быть историком повседневности?

Казалось бы, все прежние идеологические препятствия, стоявшие когда-то перед историками, пали вместе с ликвидацией обязательного для всех “единомыслия”. Казалось бы, все дороги открыты, исследуй любую тему, любыми приемами... Однако если в прежние, советские времена ученый-новатор был, как правило, обречен на неравный бой с теми, кто упрекал его в ревизионизме “основы основ”, то нынешние исследователи, решающиеся на апробацию новых тем или методов, оказываются погруженными в вязкую трясиину ироничных усмешек, исходящих от тех, кто старается удержать изучение прошлого в прежних, устоявшихся рамках, прежних структурах. И эти иронические интонации в отношении истории повседневности преодолеть оказывается сложнее, чем открытую критику или даже замалчивание.

Известно, что “тотальная история” (включающая в себя историю повседневности) не один год пытается прижиться в нашем гуманитарном знании. Причина тому – очевидное самоисчерпание позитивистских приемов работы с источниками, устаревание прежних объяснительных парадигм (марксистской, структуралистской). И все же, несмотря на все ее многообещающие перспективы, ни сама “тотальная история”, ни история повседневности как ее часть не смогли обрести прочных позиций в университетах (не говоря уже о системе школьного образования). Образовательные

учреждения остались бастионами, хотя и сильно модернизировавшегося, но традиционного по существу – историописания, а также представлений об автономности исторических дисциплин: история по-прежнему изучает “события”, психология – “эмоции”, а этнография – “быт”.

Это, конечно, огорчительно, поскольку история повседневности – то самое поле, на котором возможна встреча сразу нескольких наук. К тому же любая тема по истории повседневности есть форма самопознания и самоосознания человека нашего времени путем референцирования его индивидуального опыта с опытом других, тех, что жили задолго до него или живут рядом.

Примечания

¹ Данная статья является продолжением следующей статьи: *Пушкарёва Н.Л.* Частная жизнь и проблемы повседневности глазами историка // *Социальная история.* 2003. М., 2003. С. 15–32.

² См., напр.: *Ястребицкая А.Л.* Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике // *Одиссей. Человек в истории.* М., 1991. С. 84–103; *Лелеко В.Д.* Эстетика повседневности. СПб., 1993; *Российская повседневность 1921–1941. Новые подходы.* СПб., 1995; *Козьякова М.И.* Эстетика повседневности: Материальная культура и быт Западной Европы 15–19 вв. М., 1996; *Пушкарёва Н.Л.* “Живя и трудяся в подвигление околным людям” (Женский труд и женские занятия в российской повседневности X–XVII вв.) // *Женщина в российском обществе.* 1996. № 2. С. 18–27; *Она же.* Частная жизнь женщины в доиндустриальной России X – начала XIX в.: невеста, жена, любовница. М., 1997; *Журавлев С.В., Соколов А.К.* Повседневная жизнь советских людей в 1920-е гг. // *Социальная история: Ежегодник.* М., 1997.

³ *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси. М., 1946; *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту... М., 1972; *Лотман Ю.М.* Декабрист в повседневной жизни. Бытовое поведение как историко-психологическая категория // *Литературное наследие декабристов.* Л., 1975. С. 21–31. Об исследователях, изучавших западноевропейскую повседневность см.: *Ястребицкая А.Л.* Указ. соч. С. 84–87.

⁴ *Поляков Ю.А.* Человек в повседневности (исторические аспекты) // *Вопр. истории.* 2000. № 3. С. 125–132; *Тяжелыникова В.С.* Повседневность и революционные преобразования советской власти // *Россия в XX в. Реформы и революции / Под ред. Г.Н. Севостьянова.* Т. 2. М., 2002. С. 85–92.

⁵ *Мифология и повседневность: Матер. науч. конф. 18–20 февраля 1998.* СПб., 1998; *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. М., 1999; *Журавлев С.В.* “Микроскоп” и “скальпель” в руках исследователя: новые подходы и инструментарий социальной истории // *Журавлев С.В.* “Маленькие люди” и “большая история”: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. М., 2000. С. 5–25; *Сенявский А.С.* Повседневность как методологическая проблема микро- и макроисторических исследований (на материалах российской истории XX в.) // *История в XXI в. Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества.* М., 2001.

⁶ *Какабадзе З.М.* Проблема “экзистенциального кризиса” и “трансцендентальная феноменология” Э. Гуссерля. Тбилиси, 1966. С. 94; *Мотрошилова Н.В.* Принципы и противоречия феноменологической философии. М., 1968.

⁷ *Ионин Л.Г.* Понимающая социология: Историко-критический анализ. М., 1979. С. 116.

⁸ *Осипов Г.В., Митина С.М.* Конфронтация социологических идей // *История социологии в Западной Европе и США / Под ред. Осипова Г.В.* М., 1999. С. 522.

⁹ *Elias N.* Über den Prozess der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Frankfurt a. M., 1989 (1. Aufl. – 1939).

¹⁰ *Давыдов Ю.Н.* Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М., 1977; *Социальная философия Франкфуртской школы.* М., 1978.

¹¹ Книга Г. Маркузе, появившаяся в 1964 г., была издана на русском 30 лет спустя. См.: *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 1994.

¹² *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995.

¹³ *Бекк-Виклунд М.* Феноменология: мир жизни и обыденного знания // *Современная западная социология. Теория, традиции, перспективы.* М., 1992. С. 83.

¹⁴ *Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. N.Y., 1967; *Cicourel A.* Methods and Measurement in Sociology. Harvard, 1964.

¹⁵ Бекк-Виклунд М. Указ. соч. С. 85.

¹⁶ Pashas G. Ethnotheorie, Ethnomethodologie, Phänomenologie // Alltagswissen, Interaktion, und gesellschaftliche Wirklichkeit. Bd. 2. Ethnotheorie und Ethnographie des Sprechens. Reinbeck, 1973. S. 270.

¹⁷ Подробнее см.: Оболенская С.В. Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта // Одиссей-1996. М., 1996.

¹⁸ Geertz C. The Interpretation of Cultures. N. Y., 1973. P. 5.

¹⁹ Олабарри И. “Новая” новая история: структуры “большой длительности” // Культура и общество в средние века – раннее новое время: Методология и методики современных зарубежных и отечественных исследований. М., 1998. С. 103.

²⁰ Бродель Ф. Структуры повседневности: Возможное и невозможное // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3-х т. Т. 1. М., 1986.

²¹ Burke P. Historians, Anthropologists and Symbols // Culture through time. Anthropological approaches. Stanford, 1988.

²² Alltagsgeschichte. Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen / Hrsg. A. Lüdtke. Frankfurt am Main; New York, 1986.

²³ Оболенская С.В. “История повседневности” в современной историографии ФРГ // Одиссей: Человек в истории. 1990. М., 1990. С. 182–198.

²⁴ Ullrich V. Entdeckungsreise in den historischen Alltag // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1985. Hf. 6. S. 403.

²⁵ Медик Х. Микроистория // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Т. II. Вып. 4. С. 193–202.

²⁶ Людтке А. “История повседневности” в Германии после 1989 года // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 1999 (вып. 2). М., 1999. С. 117–126; Он же. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история: Ежегодник. 1998 / 99. М., 1999. С. 77–100; Medick H. “Missionare im Ruderboot”? Erkenntnisweisen als Herausforderung an die Sozialgeschichte // Alltagsgeschichte...

²⁷ Medick H. Leben und überleben in Laichingen vom 17. bis 19. Jahrhundert. Untersuchungen zur Sozial-, Kultur- und Wirtschaftsgeschichte in den Perspektiven einer lokalen Gesellschaft Altwartembergs. Göttingen, 1994. S. 7.

²⁸ Levi G. On Micro-history // New Perspectives on Historical Writing / Ed P. Burke. Oxford, 1991; Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 236–261. Краткий вариант той же работы см.: Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 110–127.

²⁹ Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история: Ежегодник, 1998/99. С. 77.

³⁰ Подробнее см.: Пушкарева Н.Л. Зачем он нужен, этот гендер? // Социальная история 1998/1999. М., 1999. С. 155–177.

³¹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 13.

³² Neuman L.W. Social research methods: qualitative and quantitative approaches. 2nd ed. Boston, 1991; Вальденфельс В. Повседневность как плавающий тигль рациональности // Социологос / Под ред. В.В. Винокурова, А.А. Филиппова. Вып. 1. М., 1991; Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е., Мальшева М.М. Качественные методы в гендерных исследованиях. М., 1997; Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М., 1999; Методологический потенциал качественной социологии и способы его реализации в социологических исследованиях. Самара, 2000.

³³ Lepetit M. Un regard sur l’historiographie allemande: les mondes de l’Alltagsgeschichte // Revue d’histoire moderne et contemporaine. Vol. 45. № 2. P. 466–486.

³⁴ Не случайно, одна из статей в германском сборнике по “истории повседневности”, написанная шведским ученым С. Линдквистом, дала название целому направлению – “Копай, где стоишь”. Его сторонники подчеркивают этим названием “интересность” любого, самого незамечательного человека и его жизненного пути для реконструкции истории. См.: Lindquist S. Grabe, wo du stehst // Geschichte von unten. Fragestellungen, Methoden und Projekte einer Geschichte des Alltags / Hrsg. H. Ehalt. Wien-Köln-Graz, 1984. S. 295–305.

³⁵ Большая советская энциклопедия. Т. 6. М., 1951. С. 433–434.

³⁶ Galinski D., Lachauer U. Feierabend und Freizeit im Wandel: Sozialgeschichte des Alltags. Braunschweig, 1981.

³⁷ Анкерсмит Ф.Р. Историография и постмодернизм // Современные методы преподавания новейшей истории: Матер. из цикла семинаров при поддержке TACIS. М., 1996. С. 145.

³⁸ Об этом подробнее см.: *Бессмертный Ю.Л.* Это странное, странное прошлое... // Диалог со временем. Вып. 3. М., 2000.

³⁹ Подробнее см.: *Холмс Л.* Социальная история России 1917–1941. Ростов н/Д, 1993. С. 101–103.

⁴⁰ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1955. С. 148.

⁴¹ Основы этнографии / Под ред. С.А. Токарева. М., 1968. С. 6.

⁴² Этнология / Под ред. Г.Е. Маркова и В.В. Пименова. М., 1994. С. 14.

⁴³ *Тереженко А.Б.* Быт русского народа. М., 1997. С. 7, 278–283 (1-е изд. – СПб., 1848). Ср.: *Забелин И.Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869.

⁴⁴ *Лелеко В.Д.* Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 1997. С. 17.

⁴⁵ Исследования повседневной жизни 1930–1950-х годов в Германии открыли для историков несколько неожиданную оценку всего периода 1930-х годов как “благополучных” и “стабильных”, бывших, по сравнению с 1920-ми годами, временем “нормальной жизни”, которую нарушила война. Субъективная оценка ее окончания и возвращения к “нормальному” – не 1945 г., а год 1948-й, когда была проведена денежная реформа и стабилизировался быт. См.: *Die Jahre weiss mann nicht, wo man die heute hinsetzen soll: Faschismus Erfahrungen im Ruhrgebiet, 1930–1960* / Hsgr. L. Niehammer. Bonn, 1983.

⁴⁶ *Stearns P.* Introduction // *Stearns P.* The Other Side of Western Civilisation. Vol. 2. N.Y., 1976. P. 5.

⁴⁷ А.С. Сенявский совершенно справедливо в этом смысле раскритиковал книгу Н.Б. Лебиной (*Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999), увидев в ней “попытку отразить жизнь города через концепцию девиантного поведения, свести все многообразие городской жизни к социально ущербным, маргинальным или патологическим проявлениям”. Действительно, несмотря на заголовок, собственно “нормальное” выпало из поля зрения автора. «Методологическая некорректность такого подхода становится очевидной, – отмечает А.С. Сенявский, – если задать простой вопрос: как же те же самые люди, жители Ленинграда, “погрязшие”, если верить автору, в социальных аномалиях в 1920-е–30-е годы, лишь через несколько лет проявят массовый героизм, отстояв город, выдержав ужасную длительную блокаду? Такая “неувязка” свидетельствует о предвзятом вырывании отдельных аспектов городской жизни, выдаваемых за саму ее суть и полное отражение. Естественно, проблема “девиантности” не должна выпадать из предмета анализа, однако нужно адекватно отражать ее место, ее “реальный вес” в повседневной жизни, одновременно понимая и учитывая всю условность, относительность и историчность социальной нормативности, впрочем, как и критерияльного поля наших оценок...» (*Сенявский А.С.* Указ. соч. Повседневность как методологическая проблема микро- и макро-исторических исследований (на материалах российской истории XX в.) // *История в XXI в. Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества.* М., 2001. С. 29).

⁴⁸ *Дэвис М.* Развитие советского общества в 20-е годы и проблема альтернативы // *Россия в XX в. Историки мира спорят.* М., 1994. С. 314.

⁴⁹ *Медик Х.* Микроистория // *Thesis: теория и история экономических и социальных институтов и систем.* Альманах. М., 1994. Т. II. № 4. С. 202.

⁵⁰ *Bensman J., Lilienfeld R.* Between Public and Private: The Lost Boundaries of the Self. N.Y., 1979. P. 173.

⁵¹ Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993. С. 60–61.

⁵² О соотношении этнографического исследования быта и истории повседневности см. также: *Пушкарева Н.Л.* История повседневности и частной жизни глазами историка // *Социальная история-2003.* М., 2003.

⁵³ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 38.

⁵⁴ Подробнее об этой позиции у историков Германии см.: *Оболенская С.В.* История повседневности... С. 186.

⁵⁵ В СССР первые попытки собрать архив материалов “устной истории” были связаны с написанием “Истории фабрик и заводов”, однако ни собранные материалы, ни их анализ в завершеном виде так и не увидели свет, как и работы краеведов 1930-х годов. См.: *Шмидт С.О.* Помни об отчем доме // *Известия.* 1988. 5 сент.

⁵⁶ О конфликтах по этому поводу в германской науке см.: *Оболенская С.В.* История повседневности... С. 187.

⁵⁷ *Курносов А.А.* Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР // *Археографический ежегодник.* 1973. М., 1974.

⁵⁸ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. М., 1999.

⁵⁹ Зубкова Е.Ю. О “детской” литературе и других проблемах нашей исторической памяти // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. С. 155–157.

⁶⁰ Козлова Н. Горизонты повседневности советской эпохи. М., 1986. С. 19; Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е гг. // Социальная история: Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 287–332; *Он же*. “Микроскоп” и “скальпель” в руках исследователя: новые подходы и инструментарий социальной истории // Журавлев С.В. “Маленькие люди” и “большая история”: иностранцы московского Электроставского завода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. М., 2000. С. 5–25; Поляков Ю.А. Указ. соч. С. 125–132.

⁶¹ Девятко И. Модели объяснения и логика социологического исследования. М., 1976. С. 93.

⁶² Баткин Л.М. О “безднах экзегетики” // Одиссей. Человек в истории. 1995. М., 1995. С. 75–78.

⁶³ Подробнее см.: Пушкирева Н.Л. Частная жизнь русской женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в.: невеста, жена, любовница. М., 1997 (Послесловие).

⁶⁴ Основные характеристики “обихода” – нормальность, регулярность, практичность, индивидуальная инструментальность, взаимная приемлемость, функциональность. См.: Голофаст В. Повседневность в социокультурных измерениях (размышления читателя автобиографий и биографических интервью) // INTER. 2002. № 1. С. 70.

⁶⁵ Козлова Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 47–56.

⁶⁶ См.: Коносов Н.Е. О невозможности микроистории // Казус. М., 2000. С. 33–51.

⁶⁷ Романов В. Процедуры, стратегии, подходы “социальной этнографии” // Социологический журнал. 1996. № 3 / 4. С. 138–149; Судьбы людей. Россия. XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / Под ред. В.В. Семеновы и Е.В. Фотеевой. М., 1996.

⁶⁸ О значимости языка и формы исследования для современного историописания см.: White H. Historical pluralism // Critical Inquiry. 1986. № 12. P. 486.

N. L. P u s h k a r e v a. The Scope and Methods of the Study of Everyday Life History

The focus of the essay is everyday life history (Alltagsgeschichte; histoire de la vie quotidienne), a new area of historical scholarship which is concerned with the study of the realm of mundane human life in diverse contexts (historical, cultural, political, ethnic, religious, and others). The author points out that there have been few attempts to define the scope of everyday life history in Russian scholarship, and mostly the area has been equated either with microhistory or with studies of traditional way of life. The aim of the essay is to analyze these notions in more detail, trace the development of the new area of study, define its scope and examine the methods its practitioners employ.